
МЕСТО СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОЙ ОЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КРИЗИСНОЙ ЭПОХИ

ИРМА ШИОШВИЛИ

В эпоху глобализации термин «кризис» стал обычным. Признаками кризиса отмечены не только мировая экономика, социальная среда и культура, но и быт современного человека.

Естественно, этот процесс начался не сегодня. Он периодически давал о себе знать на разных уровнях, но в последнее время стал принимать массовый характер. Поневоле вспоминаются процессы, предсказанные испанским философом Х. Ортега-и-Гассетом (1883–1955) еще в 30–40-е годы XX столетия в его теории элитарного искусства и сформулированные как воззрения, направленные против массовой культуры (против масс).

Вослед многим европейским мыслителям Ортега-и-Гассет явственно видел, что культура и люди, сформированные в условиях усиленной урбанизации и информационного бума, входят в глубокий кризис. Главными признаками европейского кризиса Ортега считал следующие факторы.

а) Культурализм, то есть противопоставление культурных ценностей жизненным ценностям – с приоритетом первых.

б) Абсолютизация наемного труда, способствующая возникновению «человекомассы». Последняя занимает господствующее положение во всех сферах общественной жизни и, несмотря на то, что не обладает ни особым образованием, ни высоким профессионализмом, смело примеряет маски «самодовольного недоросля» и «мнимого аристократа», поглощенная собственным благосостоянием и заботой о нем.

в) Катастрофический дефицит избранного меньшинства (интеллектуальной элиты).

По мнению Ортеги, для выхода из такой тупиковой ситуации была необходима переоценка ценностей с учетом новых симптомов и характеристик европейской культуры. А для этого требовалась смена жизненных ориентиров, основанных в свое время натурализмом¹.

К сожалению, процессы, о которых говорили Ортега-и-Гассет, его предшественники и современники, на нынешнем этапе обострились и зашли далеко. К тому же в силу переплетения глобально-экономического фактора и современного информационного пространства масштабы кризиса быстро растут. Расширяется его ареал, хотя остается неизменным

¹ См. Кравцева Е. Н. «Массовая культура» и проблемы личности. М., 1974, с. 26–27.

требование: человек не должен отставать от современных процессов, не быть выброшен из реальности, ибо только ему под силу найти пути выхода из тупика.

Эта безусловная рефлексия о способностях человека не пустые слова, хотя остаются определенные вопросы. В частности, о каком человеке идет речь? Какой степени свободы и ответственности располагает человеческая личность, способный взять на себя сложнейшую миссию – завершить прогрессом процесс преодоления привнесенных кризисом противоречий?²

Сегодня бесспорно – культурно-антропологическое представление о современном человеке фундаментально отличается от традиционного натуралистического понятия. Более того, по своей сути оно антинатуралистично и видит специфику человека как раз в том, чем он отличается от природы, то есть от природного. Представленный, подобной концепцией человек выше природы, он «открыт для вселенной», действует на основе активных ценностных взаимосвязей и этим путем усовершенствует как окружающую реальность, так и самого себя.

Необратимость этих процессов и прогрессивный их характер в свою очередь связаны с такими моделями общественного развития, когда в полную силу проявляется свобода личности и создаются благоприятные условия, способствующие разворачиванию поведенческой деятельности, в которой высока моральная составляющая³.

Известно, что философско-антропологические воззрения прошлых веков зачастую основывались на взаимоисключающих и противоположных идеях о личности, ее свободе и характере ответственности.

В философском мышлении постренессансного периода человек рассматривался как существо, стоящее в центре мироздания, не только способное, но и должное господствовать над вселенной и природой для преобразования и передела последней с учетом своих потребностей.

В стиле такого мышления фетишизировались разум и, следовательно, рационализм, который благодаря научным открытиям корректирует данную Богом реальность и формирует выгодную, направленную на человеческие потребности среду. Подобное мнение сохраняло свою популярность до появления постмодернистского мышления и установления и распространения созвучного с ним типа культуры. В постмодерне человек уже не рассматривается, как суверенный, независимый, владеющий вселенной самодостаточный субъект. Именно благодаря подобной исходной точке и стали в постмодернизме такими популярными всепоглощающий «интеллектуальный нигилизм», «социальный скептицизм» и «политический цинизм». Эти воззрения питали философско-эстетическое мышление определенного периода XX столетия, в частности сферу искусства. На последующем этапе подобной теории и практике всё более строго стали противостоять теоретические концепции,

² См. **Баланчивадзе Р.** Философские и публицистические письма. Тбилиси, 2011, с. 289.

³ См. там же, с. 22

основанные на совершенно новом понимании информационных технологий, информационного общества и, в целом, феномена информационализма. Становится ясным, что основанная на современных технологических процессах информация, владение ею или передача, к тому же с определенным идеологическим акцентом, явно способствует обретению власти и формированию желаемого типа производственно-экономической деятельности⁴.

Основой информационализма являются информационные технологии, которым под силу по-новому представить основной элемент человеческой деятельности – информацию, обеспечить ее адаптацию, передачу и распространение и тем самым привести в движение социальные процессы. Информационные технологии создают т. н. «социальные сети», которые своеобразной «сетевой логикой» оказывают огромное влияние как на политические, так и экономические процессы. Практическим подтверждением сказанного является волна «арабских революций» последнего периода, инспирирование и организация которых происходили и происходят именно посредством социальных сетей.

Таким образом, мы имеем дело с новой реальностью, которая охватила как общество и культуру, так и быт людей, сферы проявления их прав и свобод.

Непроизвольно возникает традиционный в такой ситуации вопрос: нет ли опасности поставить под сомнение свободу личности и останется ли она высшим критерием общественного прогресса и в будущем?

На этот вопрос можно ответить тотчас же: какие бы типы общественных организаций ни возникли, свидетелями каких бы новшеств мы ни стали в ближайшие десятилетия, речь об их прогрессивности не может идти, если будет ограничена свободы личности, а ее автономности будет угрожать какая-либо опасность⁵.

Говоря о свободе и автономности личности, мы имеем в виду то обстоятельство, что человек именно через свободу самореализуется и проявляет свою сущность. Человек, как уже отмечалось, полностью включен в систему естественной детерминизации. В результате свобода – способ его существования; это сила, которая не дает покоя человеку и способствует его действиям. Свободен тот, кто распоряжается, то есть владеет собой. Это – пространство, которое охватывает «хочу» и «хочет», то есть обширную сферу паритета между стремлением к свободным действиям и ответственностью.

Рассуждая о свободе личности, надо хорошо осознавать, что речь не идет об абсолютной свободе. Человек просто не может не учитывать внутренних и внешних детерминантов. Это врожденные предрасположенности, тип характера, наследственные качества. Верхняя граница свободы личности проходит по изучению и осознанию самого себя.

⁴ См. Грант В. Эволюционный процесс. М., 1991, с. 130–135.

⁵ См. там же.

Вместе с тем есть другой перечень детерминантов, находящихся вокруг и вне личности. Это социальная среда с происходящими там процессами, не учитывать которые просто невозможно.

Из этого явствует, что понятие свободы относительно. В таком относительном пространстве человек с помощью воли регулирует удовлетворение собственных нужд, а с другой стороны, посредством выбора упорядочивает взаимоотношения с социальной средой. Мартин Хайдеггер видел сущность свободы в том, что с ее помощью человек преодолевает достигнутый рубеж бытия, стремясь к более совершенному. Это движение бесконечно, поскольку он никогда не достигнет абсолютно идеального бытия. Нечто подобное происходит и с человеческим прогрессом, поскольку он тоже движется от одного временного идеала к другому. Вечным как в первом, так и во втором случае является движение, а не идеал. Это обстоятельство представляется определенным знаком или ответом на поставленный выше вопрос: не проглотят ли, не перевесят ли высокие показатели прогресса на фоне реалий кризисной эпохи спектр человеческих свобод? Нет, не перевесят, ибо прогресс и социально-политические процессы не продвинулись вперед, не состоятся без ищущего, ориентированного на поиск нового свободного человека. Невозможно охватить свободу и овладеть ею в полной мере. Поэтому, свобода – это то, что есть, и то, что будет. Причем, то, что будет, т. е. еще не обретенные свободы, вариативны и оставляют возможность выбора. Именно этот признак и является критерием общественного прогресса. Если на каком-то уровне развития общественной жизни сформированное бытие ограничит свободу человеческого выбора, ухудшит его социальную среду, вызовет стандартизацию его способностей и навыков, возрастит в массах витальные амбиции и лишит их духовности, то смело можно утверждать, что налицо регресс, а не прогресс. Естественно, такое возможно, и человечество знает подобные примеры.

К сожалению, реалии эпохи кризисов подобный риск повышают, но они не смогут в конечном итоге повернуть вспять движение человека вперед или отменить его философско-этические представления о правах и обязанностях.

Вне сомнения, чем выше характер свободы личности и показатели положительного отношения к нему в социально-политической модели, тем легче преодолимы любые кризисы и преграды на пути прогресса⁶.

Думается, подобный подход к вопросу о свободе личности должен осуществляться как критерий общественного прогресса в целом. В этой связи вопрос свободы личности обретает характер универсального, общесоциологического критерия, который благодаря своей универсальности становится приемлемым базисом хотя бы для оценки показателей прогресса отдельных отраслей искусства, культуры, социального быта эпохи кризисов.

⁶ См. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991, с. 45.

ԻՐՄԱ ՇԻՈՇՎԻԼԻ – Անձի ազատության տեղը ճգնաժամային ժամանակաշրջանի գլոբալացված հասարակական-քաղաքական մոդելում – Ժամանակակից աշխարհը բնութագրվում է ճգնաժամային ընդգծված հատկանիշներով: Նման հասարակական-քաղաքական իրավիճակում անձի ազատության հարցը ձեռք է բերում նոր չափում՝ իր ունիվերսալ բնույթի շնորհիվ շարունակելով հանդիսանալ առաջընթացի բարձրագույն չափանիշը: Հոդվածում սոցիալ-փիլիսոփայական տեսանկյուններից քննարկվում են անձի տեղը և անձի ազատության հիմնախնդիրները ժամանակակից անցումային շրջանում:

IRMA SHIOSHVILI – *The Place of Person's Freedom in Globalized Social-Political Model of the Crisis Epoch.* – The modern world is characterized with sharply identified crisis signs. In such social- political life person's freedom issue gains new measurement, but because of its universal importance it still preserves the function of the highest criteria of progress. The article discusses the modern problems of the personal freedoms in the era of transformations in the basis of social philosophy.